

“Я хожу по Земле.

Поиск своего места в мире. Семинар LT051 - 10.12.2020

<https://www.youtube.com/live/ngQs7-6ibjs?si=IWBFaTEDJ3QtZD5r>

1:27:29

[Говорящий 1]

Привет всем из Тюмени. Спасибо. Микрофон выключаем.

Итак, добрый вечер. Мы начинаем очередной семинар, 52-й по счёту. И он посвящён очень важной теме в порядке становления личности человека.

Это тема, которая в большом курсе теории личности, которую некоторые из вас уже знают в нашем институте, его слушали, и которой можно посмотреть, послушать, присоединиться. В этом последовательном процессе становления личности есть очень важный момент – это обретение своего «я» и затем обретение места своего «я». Это не всегда бывает понятно, откуда это идёт, с чего это начинается и почему эта тема вообще возникает.

Но для тех, кто занимается психологическим консультированием и занимается психотерапией, приходится сталкиваться с ситуацией, в которой человек не знает и не может найти своего места, и не знает, есть ли вообще у него своё место. Для того, чтобы пояснить эту проблему, я приведу пример. Ко мне обратилась бабушка с дедушкой по поводу воспитания внучки, вернее, по поводу её психологического состояния.

Выяснилось, что, так это называется, у педагогов девиантное поведение, а на самом деле семья была в достаточно серьёзном кризисе, и некоторые неприятные черты поведения у этой девочки, которой было 8 лет, проявились. Суть была в том, что девочка жила с мамой и с отчимом, у мамы с отчимом родился ребёнок общий, девочке было в этот момент 7 лет, и девочку периодически отправляли к бабушке, бабушка с дедушкой очень любили, и там всё было хорошо, и родителей тоже любили, там тоже всё было хорошо, но вот появился ребёнок, и у девочки начались проблемы. Так сказать, год целый всё это было сложно, но потом всё это вылилось в очень такие тяжёлые кризисные моменты с ребёнком.

Так вот, когда бабушка с дедушкой описывали ситуацию, в которой ребёнок жил, то там, например, был такой случай, после которого особенно была тяжёлая истерика у ребёнка. Девочка жила у бабушки с дедушкой, а когда она вернулась домой, то в её комнате родители сделали

перестановку, потому что эта комната была детская, там был младенец, стояла его кровать, стояла там его коляска. Но для того, чтобы всё это поместить, они маленький шкафчик, который был, и вот такая тумбочка с дверцами для девочки, где лежали её какие-то там открытки, какие-то там карандашики.

Они её просто оттуда вынесли и перенесли в общую комнату, где девочка могла делать уроки. При этом часть вещей девочка то ли не нашла, то ли там они были перепрятаны куда-то. Короче говоря, девочка устроила страшный скандал, после которого родители опять отвезли её к бабушке с дедушкой и сказали, что мы не можем, если ты так себя ведёшь, то мы не можем с тобой жить, потому что у нас ребёнок, он спать должен, всё такое.

И вот после этого бабушка с дедушкой обратились ко мне. И вот мы стали разбирать, бабушка и с дедушками, стали разбирать эту ситуацию с тумбочкой с детской. И мне пришлось объяснять, что вот этот элемент, такой маленький элемент всей кризисной ситуации, он означает одно, что у ребёнка, ребёнка лишили маленького кусочка её места в жизни.

Это не полностью, это не совсем её лишили места в жизни, конечно, у неё есть бабушка, у неё есть родители, всё, так сказать, очень всё достаточно было удовлетворительно. Ребёнок не сирота, но вот маленького кусочка её места в этой жизни её лишили. И ребёнок среагировал на это при том, что вообще кризис появления второго ребёнка – это очень такая тяжёлая вещь.

У психологов это называется дотронизация. Так вот, что такое лишить ребёнка своего места в комнате, где его вещи? У ребёнка латунночек, у кого-то там шкафчик, секретарь, в хорошей ситуации у ребёнка своя комната, где лежат его вещи, где он там посадил куклу, вот здесь вот стульчик там кружечный, здесь то, там какие-то вещи, секретки какие-то у девочки в первом классе, конечно, есть какие-то, книжки стоят в порядке, а может быть, в беспорядке, которые для неё, естественно, являются своим, родным.

Но главное, что своё место – это означает безопасность для ребёнка, собственная безопасность, безопасность её предметов, с которыми она взаимодействует, зрительно ли, или она взаимодействует двигателью, так или иначе, это момент безопасности и момент границ. Всё это было нарушено, и ребёнок был лишён этого, своего пространства, и лишён был своей безопасности. Естественно, что это вызывает, может вызвать у неустойчивой эмоциональной психики истерику, и может вызвать психоз, в общем, много чего.

Второй пример я хочу привести, это уже взрослый человек. Однажды мне позвонила моя клиентка, которая давно консультировалась, много лет подряд, и вот в какой-то момент она позвонила, даже это было уже поздно вечером, и стала плакать и говорить, что от меня муж уходит. Но поскольку я знал его давно, и я всю эту ситуацию знал, то вот у нас такой, так сказать, разговор, она всё очень плакала, что вот он уходит, больше никогда не вернётся.

И ключевая фраза здесь звучала, он взял свою сумку и ушёл. Я должен рассказать, что это такое. Дело в том, что когда они познакомились, на следующий день он переехал к ней жить, и у него в руках была сумка одна, и это все его вещи.

И когда они поссорились, он взял эту сумку и ушёл. И для неё это было сигналом, что он больше не вернётся. Потому что у человека ничего другого нет, кроме сумки.

И этот мужчина, он до сих пор так живёт, насколько я знаю, он не привязывается к месту. Это не его квартира, это не его комната, у него нет там вещей. Он живёт, минимум, сумка эта у него спортивная, он на спорт ходит с этой сумкой, больше у него ничего нет.

И вот так живёт человек, у него ничего нет, у него нет своего дома, хотя у него там есть какие-то квартиры купленные, он их всех записал на сына и на жену. У него нет своих вещей, мебели, шкафов каких-то, сараев или мастерских инструментов. Он очень любит свою профессию, он очень любит свой спорт, он очень любит своих друзей.

Для всех он открытый, вознерадостный, дружелюбный человек, профессионал своего тела, очень хороший профессионал. Но при всём при этом он не привязывается ни к чему. И он переехал в другой город, не потому что там развод состоялся, нет, отношения остались хорошими, но он переехал в другой город, вот так же тоже, взяв свою сумку и убежал.

Понимаете, вот это люди, их много на самом деле, у которых нет связи с вещами, нет связи с местом, нет связи с домом. Дом там, где я есть, где моя любимая, где мои любимые, где моя семья, вот это дом. Очень многие люди живут в такой парадигме, парадигме отсутствия привязки к месту, к земле, к квартире, к дому, к вещам, к мебели, к привычным там картинам и так далее.

Многие говорят, что это очень хорошо, то есть нет ничего мещанского, меркантильного, это люди как монахи, вот ничего своего, ничего своего на

земле, а просто вот такая совершенно вот свобода от вещей. С этой точки зрения, да, такой привязки к предметам нет. И казалось бы, их личность свободна от всяких страстей, владения страстей, умножения богатства, вещей и другое дело.

Но такие люди, они, как правило, не умеют строить границы. Сегодня про границы психологи говорят на каждом углу, и много книжек уже вышло на эту тему, и наверняка вы это слышали, и наверняка читали про границы. Так вот, люди, у которых своего места нет, границ строить не умеют.

По одной простой причине. Границы строятся, это ментально и географически, границы строятся вокруг места. Еще раз, это в переносном и в прямом смысле.

Если у личности нет своего места в жизни, границы строить не вокруг чего. Даже вокруг моего места, которое я. Ведь для человека, у которого нет своего места в жизни, он даже то место, на котором он стоит здесь и сейчас, место чужое.

Человек воспринимает то место, на котором стоит, случайностью. Он воспринимает его как какое-то исключение из правил. Он как арендатор.

Он за то, что он стоит здесь, сидит на этом стуле, стоит вот на этом клочке, вот у него кабинетик, вот у него служебное кресло. Мы еще часто говорим, занимает пост и занял кресло министра, или директора, или начальника. Так вот так человек относится к своему месту в жизни.

Оно временное, оно ему не принадлежит. И если он сейчас сидит, то завтра может не сидеть. А стало быть, у него нет связи не просто с этим местом, с креслом, с домом, квартирой, с городом, страной.

А у него нет связи и ответственности за то место, и нет ответственности за себя самого, за те связи, которые с этим местом у человека образуются, когда он развивается, когда личность его проходит становление, взаимодействия и ответственности. То есть то место, где я сейчас нахожусь, оно вообще говоря не мое. Извините, я вот сейчас тут стою, но вообще я могу уйти.

И для многих людей это выглядит как будто бы какой-то такой особый подвиг, а для кого-то это выглядит как манипуляция. А что, я могу здесь не стоять. Если вы не хотите, я сейчас уйду.

Ничего страшного, у меня нет связи с этим местом. Но если вы налаживаете отношения с человеком, у которого нет места рядом с вами, который может всегда уйти с этого места, встать и уйти. Он взял сумку и ушел.

То как ваши будут отношения? Они не будут обладать качеством прочности и долговременности, потому что человек будет как бы всегда временщик. У него нет связи.

И он не привязан, но и не взаимодействует. То есть хорошо с точки зрения аскетики не быть привязанным к вещам и к местам. Да, это отлично.

Но с другой стороны, нет и взаимодействия. То есть человек, который живет в квартире, он может вам помочь переставить шкаф с одного места на другое, даже может помочь сделать ремонт. Он в нем душой не участвует.

Это не его место, не его дом. Сегодня он муж, он отец. Но это временное состояние.

Можно развестись, с ребенком можно встречаться или разговаривать по скайпу и присылать ему просто из-за зоны подарки. Все непостоянно. И нет связи, нет отношений.

И еще раз вернусь. Так люди многие живут. Вот мне с детства приходилось встречаться и жить среди людей, у которых вообще на всем пространстве Советского Союза не было своего места.

Это были люди. Их тогда называли там перекаати-поли, их называли бичи. Бичи.

Бич это такое английское слово, портовое, морское слово. Но на Дальнем Востоке оно означает бомжа, человек без места прописки. Вот на Дальнем Востоке это называется бич.

Здесь в Москве называется бомж, а там бич. Так вот бичи это люди, у которых нету ни родного дома, ни родного города, ни родного даже края республики. И таких не просто тысячи, сотни тысяч людей.

Это не только Дальний Восток и Крайний Север. Это многие города Сибири, это многие города Дальнего Востока, Приморья. Так живут, где существуют временные рабочие.

Вообще всегда в России и в Советском Союзе всегда была большая армия временных рабочих. Вот сейчас это называется вахтовым методом. А раньше это просто были артели, которые ходили по разным селам, городам, нанимались на работу, исполняли какую-то работу, а потом возвращались домой.

Но у них все-таки был какой-то дом, хотя может быть они по несколько лет туда не возвращались, потому что были большие работы, были большие заказы. А есть люди, у которых и дома нет, но они находятся постоянно в движении. И это особый сорт людей с точки зрения формирования их личности.

У них своего места в жизни нет. И естественно, что у них меньше ответственности за свое место, за вещи, которыми не пользуются, но они за них не отвечают. Это не их вещи.

У них может не быть никаких своих родных вещей. То есть не архива, не любимых чашек, книжек, писем, открыток, фотографий. В лучшем случае, что можно с собой везти.

В дореволюционной России было такое понятие котомкой, с котомкой ходить. По Руси много ходило всяких разных стариц и старчиков. Это были такие вот бродячие люди, которые были и с одной стороны бездомные, с другой стороны это были такие вот молитвенники.

Вот на самом деле число их очень велико. И сейчас это люди, которые ездят, ходят из одного конца России в другой. И места своего не имеют.

И принципиально не хотят иметь. Не хотят привязываться к месту. Как же это формируется в жизни личности?

Как происходит становление человека в личности? Маленький ребенок, для него место в жизни – это мама. Это те отношения с мамой, в которых ребенок живет и не может не жить, потому что это его жизнь, это его выживание.

То есть по-другому ребенок жить не может. Он не живет в постоянном взаимоотношении с мамой. Мама – это его место.

Мамины руки, мамина грудь, мамино тепло, мамино объятия, мамины плечи, мамины ноги, которые, когда ребенок играет на полу, он видит. Мамин голос и мамин взгляд. Маленький ребенок живет как бы перед лицом мамы.

Все время он к ней обращается. Он как бы ей плачет, ей капризничает. То есть он с ней общается.

Вот это место ребенка. Позже у ребенка появляется свое место. Это прежде всего его игрушки.

Не шкаф для игрушек, не сумка для игрушек, а просто игрушки. Мир игрушек – это его место. Место, естественно, оно безразмерное.

И то, что ребенок кидает игрушки, то, что он их разбрасывает, это его мир, в котором он живет, и он ему нужен. Потому что таким образом, как разбрасыванием игрушки, он обозначает свое пространство, свой мир. Но гранит строить он, конечно, еще не умеет.

Защищать свое пространство еще не умеет. Поэтому как только он видит, что на его игрушке кто-то претендует или собирает их, кто-то ограничивает, он разбрасывает их вновь. Потому что это его место.

Дальше у ребенка появляется ящик, шкафчик. Столик, какие-то предметы, мебели, в которых его игрушки, где лежат его альбомы, карандаши и так далее. У него появляется свое место в каком-то таком смысле, что это его пространство.

Кроме того, у ребенка есть еще одно очень важное место, которое на всю жизнь нам с вами является глубинной и очень органически важной в нашей жизни частью личности. Это наша кровать. Это место, где мы спим.

Для ребенка кровать – это одновременно место безопасности, это место тепла, комфорта. Вот сейчас часто употребляется такая форма – зона комфорта. Вот для ребенка зона комфорта – это кровать.

Кстати говоря, для очень многих людей кровать остается мечтательной зоной комфорта во взрослом состоянии вплоть до смерти. Как это проявляется? При панических атаках некоторые люди забиваются на кровать под одеяло с головой или под кровать, заворачиваясь в одеяло под кроватью.

Кровать таким образом символическое место, часть личности, которое обозначает хоть какую-то безопасность, уют, тепло, защиту, комфорт. И это начинается с раннего детства. Вот для ребенка кровать – это его место, его жизнь.

Дальше, когда ребенок растет, таким местом жизни может стать его комната, его письменный стол, его мебель, его игрушки и другие места. В том числе, например, для детей появляются места во дворе, какие-то там тайники, какие-то там места, где лежат его секретники какие-то закопанные, чердаки, подвалы и так далее. Вот, например, у меня с другом, с одноклассником, все чердаки наших ближайших домов – это были нашими местами.

Не нашими в том смысле, что мы там себя чувствовали хорошо, но это были места, в которых бывали только мы, и никто этого не знал. Это были наши секретники детские такие, чердаки и крыши. Так развивается ребенок, развивается его мир, его мир потайных секретных мест.

У ребенка это очень важная черта – потайные секретные места. Но главное, что в личности возникает очень важное ощущение своего места в этой жизни, которое связано с ним не внешними правилами, нормами и договорными отношениями, а его внутренними секретными связями, которые он сам устанавливает. Вот что важно – мое место для ребенка, свое место для ребенка – это место, где действуют его правила жизни.

Так ребенок учится самобытийствовать. Когда мы говорим слово «самобытность», оно проистекает из того, что в своем месте ребенок выстраивает свои бытийственные бытовые правила. Там у ребенка могут быть свои разговорчики какие-то, там у него могут быть свои секретники, там свои смыслы спрятаны, которые только ему понятны, какие-то листочки бумажек, может быть, какие-то картиночки, какие-то вещи.

По предназначению этих вещей для него все равно, они для него символически знают совершенно другие вещи. Так он играет, он играет в свой дом, в свое место. И потом, когда у детей разворачивается предметная игра, домики, куклы, строительство домов, конструкторы и все такое прочее, там только уже реализуется то, что ребенок уже сам себе сочинил в это время, когда он осваивал свои тайные секретные места и где у него были собственные вещи.

Но дальше. Да, и устанавливая свои правила, ребенок учится вообще правилам мира. Он понимает, что в его мире вот так, и он научился, и вот есть граница, и он умеет это защищать.

Он постоять может за свои места, он никому не позволяет туда вторгаться. В подростковом возрасте в нормативе возникает понятие «своя комната», которая ограждена дверью с замком. С подросткового возраста желательно,

чтобы у ребенка была своя комната, в которую никто без стука, даже мама, войти не может.

Таким образом, у ребенка возникает ощущение безопасности, доверия, ощущение комфорта в этой конкретной его комнате. Это его мир. Вот здесь лежат его вещи, которые он никому не показывает.

Вот здесь он чувствует себя в безопасности. Он может быть таким, каким он есть наедине с собой. Свое место – это там, где мы наедине с собой, без надзора.

То есть в своем месте мы чувствуем, что за нами никто не наблюдает, никто нас не трогает и никто не беспокоит. Естественно, что это не относится к религиозной сфере, потому что религия для маленьких детей, дошкольников – это сплав мистики, детских фантазий, тайн, секретов. А в подростковом возрасте это как бы две зоны.

Религия – это там, моя мистика – здесь. И связь этих двух миров опосредованная, она есть. Подросток с Богом общается, общается немножко не так, как взрослые люди.

Но главное, что подросток ценит в своей жизни, религиозный подросток, что связь у него с Богом есть, но она обозначена определенными правилами, которые, если ребенок не нарушает, Бог не вторгается в его жизнь. И для подростка понятие свободы божественной – очень важная вещь, и подросток очень цепляется за это. Господь же дает мне свободу.

Когда из подростка человек переходит во взрослый возраст, своим местом взрослый человек может считать разные сферы. Во-первых, своим местом является его тело. Я – это мое место в этой жизни.

Это как минимум. Вот это мое. Поэтому любые вторжения в тело человек воспринимает как нарушение своих границ, как катастрофу, как преступление против его достоинства, против его личности.

Это могут быть изнасилования, сексуальные домогательства и соращения. Это могут быть медицинские процедуры любого аспекта, от малых до больших. Это тоже все нарушение моего места.

Кстати говоря, у детей дошкольного возраста и у подростков это чувство перед медициной, которая вторгается в тело, очень обостренное. И как раз в дошкольном возрасте медицинские процедуры телесные наносят иногда тяжелый ущерб личности ребенка, который может стать травмой на всю

оставшуюся жизнь. Примеров могу привести много, особенно это касается девочек и их здоровья.

Особенно разговор об изнасилованиях, потому что здесь и вторжение в место, здесь и унижение, и вообще нарушение целостности человеческой личности. Это травма очень тяжелая, сверхтяжелая травма, одна из самых страшных. Так вот, все, что касается нашей телесности, и в зрелом возрасте, и взрослом, переживается нами очень чувствительно, и мы всегда остро реагируем на всякое вторжение.

Например, кто-то незнакомый похлопал вас по плечу. Для кого-то это терпимая процедура, но для кого-то это невозможно. Как это?

Вот я это, неприкасаемость, и вдруг кто-то сюда влез. Другой пример, когда кто-то подходит близко, чтобы поговорить. Есть люди, которые любят разговаривать близко, на полметра друг от друга.

А есть люди, для которых три метра – это достаточно. Они не подают руки, они разговаривают с вами на трехметровом расстоянии. Где их место?

Оно очень велико. Для них границы своего места в жизни дистанцированы от тела. Скажем, на метр, на полтора во все сферы.

Кстати говоря, не во все. У человека это пространство, пространство границ своей телесности, оно дистантное. Оно не связано с поверхностью кожи или с поверхностью одежды.

Оно дистантное, оно вынесено вовне, оно связано отчасти со зрением, отчасти оно связано с преимущественной рецепцией. Есть люди, которые рецептивны по зрительному регистру. Чаще всего, в большей степени, это мужчины.

А есть люди, которые по осязательному регистру. Они в большей степени воспринимают все кожей, нежели глазами. У каждого человека есть какие-то свои особенности и свойства.

Есть люди, которые очень остро переживают свое пространство, и оно у них имеет глубокую оборону. То есть нельзя подойти ближе. Если человек не доверяет, то надо стоять от него вдалеке.

Уважение к границам означает понимание того простого факта, что у человека свое место – это всегда что-то болезненное. Далее, мое место –

это, в конечном итоге, для каждой личности – это мой дом. Мой дом – это огромного размера архетип в нашей жизни.

И развитие этого архетипа в становлении личности имеет громадное значение. Прежде всего, для ребенка. Для ребенка свой дом – это место священное.

Это место настолько неразрывное связано с его эмоциями, с его чувствами, что любая перемена в этом месте ребенком переживается долго, трудно и болезненно. То, что я наблюдал своими глазами – это маленькие дети, дошкольники или младшая школа, семья которых переехала, допустим, с города в город, из одной квартиры в другую, из квартиры на дачу, из дачи на квартиру. И которые просто при переезде из квартиры в квартиру, то есть подлинная смена жилья, воспринималась как трагедия.

Дети переставали учиться на год. То есть целый год ребенок не мог найти себя в новом месте, потому что нового места не было. Ведь смотрите, в квартире, в которой ребенок родился, то есть живет с самого своего рождения, есть общее пространство, общее пространство всей семьи, которое ребенок очень любит, ценит и ему очень нравится, что это общее пространство.

А есть место, которое связано с ним, непосредственно с ним. Даже, может быть, это только кровать или это только его игровой угол комнаты, а может быть, это комната. При переезде в другую квартиру у ребенка такого места нет.

И даже если ему говорят, ну теперь у тебя будет своя комната, но свое-то место, которое закрепилось в личности ребенка, им утеряно. Для того, чтобы ему связать себя теперь с новым местом, ему нужно расстаться со старым, маленький ребенок не обладает такой пластичностью. Он не обладает механизмом адаптации.

Он очень ригиден, и его отношение к месту, ну буквально мое место там осталось. И иногда ребенок ходит к старому дому или просит его туда отвезти, или скучает, плачет. Есть дети, которые пишут сказки про свой старый дом.

Есть взрослые люди, которые пишут в картинках, сочиняют сказки, пишут стихи про свой старый дом, хранят фотографии, где их дом. Я сам такой, дом, в котором мы жили в Москве, для меня до сих пор это теплое место в Москве. И я иногда там проезжаю, так смотрю, а вот там стоит.

Не разрушили хотя дом 30-го года, но много раз пытались его перестроить, разрушить. Но нет, пока всё в порядке, стоит. Это дорогое место.

Хотя я жил на Чукотке, не только в Москве, я много раз переезжал, и в этом доме уже, в этой квартире не жил уже, не знаю, сколько, десятков лет. А тем не менее, вот это моё детство, это мой дом. Хотя у меня не было ни своей комнаты, ничего своего.

Но тем не менее, вот мы очень привязаны. Это не меркантильная, не мещанская привязка к вещам. Это связь, глубокая связь между различными частями собственной личности.

Дом – это архетип личности, так же, как семья, так же, как мать, отец, муж, жена, брат, сестра и так далее. Это всё важнейшие архетипические органеллы личности. Это её структурные моменты.

Так вот, человек, у которого своего места нет, у него нет этого органа личности, он его лишён. И что это значит? Ну, аскет скажет, ну и хорошо, он ни к чему не привязан, он свободный человек.

А я скажу, нет, не свободный, а как раз зависимый. Потому что наличие своего места в личности даёт человеку стабильность, даёт ему ощущение своего места в этой жизни. Ведь что такое мой дом?

Мой дом – это некая проекция моей личности на пространство, пространство мира. Мой дом стоит на земле. Пусть там в этом доме только моя квартира, а в квартире только моя комната.

А может, в этой комнате только моя кровать. Но это моё место, и это проекция, значит, моё место в этом земном мире, на планете Земля, вот в этой точке. Как бы эта точка ни была мала, но это моё место, я с этим местом связан.

А значит, есть в этом огромном, слишком сложном, слишком трудном мире есть точка во Вселенной, в космосе, на планете, которая является моим местом в этом мире. Значит, я в этом мире прописан. Это советское слово, но оно очень хорошо подходит.

Я приписан, я в нём запечатлён как человек, как образ и подобие, как личность. И наоборот, это место запечатлено в моём сердце, в моей душе, и это даёт мне ощущение прочной почвы под ногами. Это мой фундамент, я могу на нём стоять.

Вот если хотите упражнение такое проделать, попробуйте, попробуйте так вот спокойно, в молчании, после всякой лекции, встать в своей комнате, можете даже свет притушить, чтобы был полумрак, встать, ноги на ширине плеч поставить, руки вдоль тела, лучше за спину так, чтобы руками ничего не делать, закрыть глаза и попробовать ощутить ногами твёрдость под собой пола или, а лучше вообще говоря, всё это делать на земле летом босыми ногами, как бы ощутить свой контакт с землёй, как бы ощутить свою твердыню под ногами, как фундамент. Это в психологии некоторое, особенно телесно ориентированное, называется заземление.

Ну, оно действительно такое заземление, но оно даёт ощущение, во-первых, твёрдости, обоснованности своей, личностной обоснованности. Если я стою на земле, занимаю место, значит, я есть. И наоборот, если я есть, значит, у меня есть какое-то место.

Иметь своё место на земле – это значит стоять на том месте, которое принадлежит только мне, никому другому не принадлежит, никто на него не претендует, может быть, даже никто его не знает. Это место только моё и ничего больше. Это означает, что во Вселенной есть место, которое связано лично со мною.

Это означает, что Вселенная связана лично со мной. В Вселенной есть дело до меня самого. Я сам не просто бесконечно малая крупица Вселенной.

Я сам в этой Вселенной есть как один из её насильников. И это моё место. Это место даёт мне стабильность, твёрдость.

Что даёт стабильность и твёрдость личности? Устойчивость в стрессе. Устойчивость перед лицом катастроф, перемен и, кстати говоря, переездов.

Человек, который вырос, имея свой дом, дом своей семьи, в котором было какое-то его место, хоть какое-нибудь его место, хоть на чердаке, хоть тумбочка у кровати, хоть только одна кровать, но стабильно живший в этом месте, человек обретает необыкновенную эмоциональную стабильность и устойчивость перед лицом самых разных перемен в своей жизни. Люди, которые переезжают с места на место, военнослужащие, которых переводят каждые три года из гарнизона в гарнизон, дипломаты, моряки, лётчики и так многие другие профессии, которые связаны с частыми переездами на Земле. У людей, которые путешествуют много, у них вот это вот развивается ощущение того, что а где место, а где считать, какой гарнизон, какой город, где я служил, будет моим местом.

Ага, нет, моё место, это моя родина, вот та моя деревня, вот тот мой город. А вот дети, военнослужащие, которые привыкли ездить за папой с мамой по гарнизонам, вот у них этого нет. Мне рассказывала одна женщина, которую переводили пять раз из школы в школу.

И особенно тяжело далось перед последним переводом из одной школы в другую вслед за отцом, в которой дети, это был, кажется, пятый класс, устроили настоящую ей травлю. Но ведь всегда новичка встречают вот таким вот жестоким образом. Дети ведь жестокие без взрослых.

И это очень часто, когда появляется новый ученик в классе, ему устраивают испытание, как минимум, какое-то неприятие, отчуждение, он новенький, и это может кончиться травлей. Так вот я вам скажу, совершенно отвлекаясь от этой темы, как психолог скажу вам, что очень многие проблемы детей связаны с их переводом из школы в школу. Дети к школе привыкают очень и очень трудно, к новым.

И начальная школа, то есть первый класс и вся начальная школа, проведенная в этом классе, с этим классом, в этой школе, дают младшим школьникам какую-никакую стабильность, ощущение своего места, свой первый класс, свою школу. Мы ценим, любим, это наше первое. Вот почему, собственно говоря, «Одноклассники» была такая успешная программа в интернете.

Ну и остается, наверное, до сих пор. А если ребёнка переводить из школы в школу, то это очень тяжело отражается на нём, ему очень тяжело, иногда это травма на всю жизнь, о которой, может быть, ребёнок и не скажет никогда своим родителям. Так вот, примеров таких, когда ребёнка лишают своего места, не в силу того, что это какой-то был злой умысел, а в силу того, что так складывалась история семьи, очень тяжело отражается на дальнейшей судьбе и личности взрослого человека.

Мы склонны преуменьшать значение всех этих перемен в жизни ребёнка. Мы склонны говорить о том, что «Ну ничего, привыкнет, в жизни бывает хуже». Так вот, скажу вам наоборот, что там, где ребёнок живёт более стабильно на одном месте, привыкая к своему углу в комнате, квартире, дому, у того в личности больше стабильности, больше жизнестойкости, эмоциональной устойчивости в личности.

И наоборот, сироты, люди, которые выросли без своего дома, без своей семьи, без квартиры, без своего места в жизни, эмоционально весьма неустойчивы, склонны при достаточно неглубоких и не сильных раздражителях впадать в психотические состояния. Истерики. У меня

было несколько друзей детдомовских, которые были эмоционально чрезвычайно подвижны.

Мои ближайшие друзья, мы знали, что это так, и пытались их защитить и охранить, только чтобы не задели. Там был такой Володя Фердинанд, только чтобы его не задели. А если его задевает, он сорвался, просто становился бешеным.

Такая психотическая была личность. Но, понимаете, детский дом – это тяжело. Это очень тяжело.

Возвращаемся к своему месту. Моё место у взрослого человека, моё место – это не только мой дом, моя семья, моя комната, мой кабинет. Мой дом – это ещё и моя работа.

Моя учёба, моя работа, это мой кабинет, это моё дело. Один человек мне очень хорошо сказал об этом. Он говорит, что я чувствую в себе силу, мне хочется расширяться, как будто бы я раздуваюсь, как пузырь.

Сказал он. На самом деле это не как пузырь, он ощутил расширение своих возможностей, расширение своих способностей. Всё больше и больше в силу своего опыта, знаний и некоторых психологических функций, как власть, человек стал способен всё больше охватить, всё больше и больше вокруг взаимосвязей, объектов и способов управления и преобразования.

И он стал чувствовать, что он расширяется, расширяется сфера его взаимодействия с миром. При этом надо понимать, что пережить такое чувство очень приятное, очень ресурсное. Не всякий человек может.

Прежде всего тот, у которого есть внутренние очень твёрдое ощущение незыблемости, безопасности, то есть своего места в своей жизни. Иметь уверенность в том, что моё-то место, оно моё. Не то чтобы его никто не тронул.

Мало этого. Моё место, так сказать, оно всем космосом признано что-то моё. Господь Бог моего места не тронет.

И в этом смысле моё спокойствие, в этом смысле моя вся уверенность, что моё-то место есть. Что-нибудь я сразу вернусь на своё место. И это моё место.

Это, так сказать, моя гавань. Мой дом, моя крепость. Английское выражение, как вы знаете, такое очень важное.

Это всё про сегодняшнюю тему. Мой дом, моя крепость. Так вот, а для того, чтобы иметь такое творческое расширение, надо в сердцевине иметь вот это ощущение крепости, фундаментальности своего места.

Потому что расширяться я могу, опираясь на центр, опираясь на ту точку бытия, которая и есть моё место. Место я. Это не буквальные вещи.

Это всё метафоры, без которых нельзя объяснить структурное строение личности. У я есть место. Оно метафорическое.

Оно не столько и не столько, оно нисколько. Но оно есть. И опираясь на него, из него, человек может отправляться и в дальние путешествия, в исследование мира, в расширение своего мира, в выстраивание границ своего мира и взаимодействуя с ними.

Человек, у которого есть твёрдое ощущение своего места в жизни, он это место воспринимает как пространство преобразования, как пространство творчества. И если это моё место, то я могу в нём быть хозяином, я могу в нём творить, я могу его перестраивать, переделывать, не исходя из своих приспособительных только нужд, а исходя из твоего чувства и своего видения мира. Я реализую своё мировоззрение, но я его реализую в том пространстве, которое я могу считать своим местом в этом космосе.

И чем больше меня, тем больше пространства моего взаимодействия с этим миром, тем больше мой творческий потенциал, тем больше я хочу сделать. Это не означает, что я всё это сделаю, что я освою, но тем больше я хочу. Есть люди, которые очень любят путешествовать.

И однажды на консультации мне сказал один человек, который уже имел семью, у которого были дети, у него был дом, и он был очень привязан и озабочен своей семьёй. Он сказал, что хочет путешествовать, но не может признать себя, что ограничен только городом Москвой, и всё. Нет, я хочу быть и там, и там, и там.

Он говорит, что он человек мира. Мир – это моё место, мир – это моё пространство, это всё моё место. Я везде хочу быть, потому что это везде я.

Разумеется, это такая метафора, что я везде, везде я. Но тем не менее, вот это ощущение широкого пространства. Я тоже люблю путешествовать, и был не так уж много где, но вот для меня был всегда примером мой отец, который был геологом, и он объездил практически весь Союз, работая в

самых разных геологических партиях, в экспедициях и на Севере, и на Юге, и в Молдавии, и на Западной Украине, и на Чукотке, и на Колыме, где я родился.

Вот он был человеком всего Союза. С границы он никогда не был. Человеком всего Союза, огромного пространства, где он везде чувствовал себя как дома.

Но у него было свое место. Это та точка Москвы, где он родился и где он вырос. В том доме, где и я жил в детстве.

Вот эта вот точка, вот этот дом, который и по сей день стоит. Вот это ощущение твердыни, ощущение своего места очень важно. Кстати, я сказал, что по поводу Союза.

Вы знаете, что когда Союз распался, и бывшие союзные, как это называли, братские республики стали нам не братскими. В которые не только нельзя было въехать просто так, без визы в паспорте, а из которых еще и прогоняли русских. Из которых русские бежали в Азербайджан или Киргизию.

Тогда там были всякие сложные процессы. При Балтиках. Так вот, для очень многих людей это было поражением в самое сердце.

Потому что очень многие люди, советские граждане считали... Вот помните эти песни? Она, между прочим, очень интересная.

Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз. Вот это расширение своего места до огромного пространства. Одна седьмая часть света или одна шестая, как считали там, или одна пятая.

Вот это ощущение, оно давало многим людям, очень многим людям, давало ощущение своей глубокой, очень радостной, очень насыщенной идентичности. Огромность Союза и возможность по нему передвигаться в любой момент, без всяких виз, без ничего, означало, что все это мой дом. Я везде чувствую себя безопасно, везде чувствую себя надежно, я везде чувствую себя как хозяин.

И когда Союз распался, вот это чувство было просто-напросто поражено. Хотя Россия осталась все равно самой большой частью планеты, самой большой страной. Но это чувство было ущемлено, и для очень многих людей это было трагедией и переживается до сих пор болезненно.

Почему-то я не могу поехать сюда, не знаю, на Западную Украину, почему я не могу поехать в Киргизию, почему я не могу поехать в Смарканд или в Ригу, в Таллинн. Это все моя страна, это все мой Союз. Так вот, это как раз связано с тем глубоким переживанием моего места.

Это не географическое понятие «мое место». Это структура личности, это метафора, метафора моего взаимоотношения со Вселенной, с миром. Вселенная начинается у моего носа.

Вселенная начинается там, где кончается мой указательный палец. Вселенная начинается у меня под ногами, под подошвами моих ботинок. Вселенная начинается даже во мне.

И если я в себе чувствую надежное присутствие своего места, то я тогда чувствую, что в этом мире не только я есть, но в этом мире я имею право быть. Право быть и удовольствие быть. И вот это моя зона комфорта – быть собой.

Это моя зона комфорта. Я могу ее покинуть только ради какого-то очень важного, значимого и радостного проекта, очень значимого долга, откликаясь на призыв о помощи. Я могу покинуть эту зону комфорта.

Я могу выйти за пределы себя и своего места. Но я знаю, что я смогу вернуться в него и вновь почувствовать себя в безопасности. Позвращаясь к границам.

Границы – это всегда нечто подвижное. Они дышат. То ближе, то дальше.

Если я плохо себя чувствую, я границы отодвигаю от себя. Мне нужно больше моего безопасного пространства. Если я хорошо себя чувствую, я могу границы придвинуть ближе к себе.

Мне достаточно этого малого пространства. Я чувствую себя удовлетворительно и безопасно. И в то же время границы мои – это еще границы моего места.

Место, которое принадлежит мне. Это слово «принадлежность» – это не покупка земли. Хотя это тоже, между прочим, очень интересная вещь.

Человек, который покупает землю и становится землевладельцем, это человек, который в душе обладает очень важным ресурсом. Это мое место на земле. Не знаю, есть ли у вас земля.

У меня всего лишь несколько соток. Но мне бы хотелось иметь какое-то поле. Не знаю, там 10-15 гектаров, на которых бы я стоял и видел бы границы своей земли достаточно далеко.

И я ждал, что это мое место. Мне кажется, не испытывал. Не могу представить себе и вряд ли когда-нибудь испытаю.

Мне кажется, что это очень приятное чувство. И оно очень творческое, оно очень ресурсное. Это моя земля.

Пусть даже земля это будет каким-то пустырем. Может быть, это будут камни. Может быть, это будет кусок леса.

Но это какая-то важная, архетипическая черта. И я думаю, что антропологические изменения в человечестве по мере того, что класс землевладельцев становится все меньше и меньше, и практически люди перестают быть владельцами земли, то есть они перестают иметь свое место, расширенное место на земле, категорически меняет сам антропологический уклад человека. Человек на земле становится человеком.

Он становится на земле гостем. Гость землю беречь не станет. Любить, заботиться.

Взаимоотношения со вселенной у человека теряются. А я думаю, что это очень важная часть нашей жизни. И она имеет очень далеко идущие последствия.

Ну вот, что я хотел вам рассказать и подготовил на сегодняшний день. И теперь я могу перейти к вашим вопросам. Я заранее вопросы не выписывал себе.

Я буду смотреть в чат. «Я ребенок военнослужащего», пишет Ирина, «мы постоянно переезжали из одного гарнизона в другой. Я очень хорошо помню тот гарнизон, в котором я жила до семи.

Меня всегда туда хотелось вернуться, но возможности не было. И только когда сама стала женой военнослужащего, переезжающего постоянно из одного места в другое, у меня ушло это чувство тоски и ностальгии. С чем это связано?

Почему такие изменения произошли? Дело в том, что взрослый человек может справиться со своими инфантильными чувствами. Тоска по тому

месту, где семья жила ваша до семилетнего возраста, это все-таки такое, ну это реальное чувство, но оно все-таки детское.

И взрослый человек сумел преодолеть в себе его. И к тому же появились более сильные чувства связи с семьей, с любимыми людьми, с любимым местом. И счастье семьи, мужа и жены, там, где они вместе.

Поэтому, переезжая из гарнизона в гарнизон, семья военнослужащих, да и не только, семья геологов, как мои родители, дипломатов и других, они могут ощутить себя вместе там, где они в этот момент есть. Но вот свое место в жизни, это будет проблематично для них. Увидела тему следующего семинара, интересно было бы затронуть тему синдрома самозванца и как с этим бороться.

Список заслуг не помогает. Да, конечно не помогает, потому что это не про то. Список заслуг это внешнее, а ощущение себя внутреннее, это часть личности.

Моё место в мире – это какое-то одно место или таких мест много. Есть моё место на работе, моё место в семье, моё место среди людей. Понимаете, это всё проекции моего места.

Моё место – это я. Это метафорическое место. Это то место, где я стою.

Но оно связано, больше всего оно связано с тем местом, которое у нас было в детстве. Так получается, что мы формируемся из детства. Но потребность, она достаточно взрослая и довольно сложная.

Реализуется она через самые разные места – дома, на работе, в семье и так далее. Но обратите внимание, что если у человека нет своего места ни на работе, ни в семье, ни дома, у него и в душе его нет. Почему-то очень часто чувствую себя самозванцем и недостойный своего места на работе, в семье.

Да, не ощущая своего места в мире, не ощущая права на своё место в личности, в своей, мы очень часто чувствуем себя самозванцем. То есть, это знаете, вот как часто говорят, ой, извините, я тут постою. Вы не против, что я тут постою, посижу или там?

Извините, что я тут есть. Вот это как раз человек, лишённый своего места в этой жизни. Он самозванец.

Он не по праву здесь. У него невроз. Я здесь не по праву.

У меня нет права здесь быть. У меня нет права занимать это место. Невротическое чувство, очень тяжёлое, приводящее к очень многим тяжёлым последствиям.

И самое главное в этом последствии, это то, что такой человек не может даже в семье чувствовать себя счастливым и он не может развивать всех своих ресурсов, потому что у него нет точки отсчёта, нет опоры. Все вещи идут от самооценности, но внутри реально нет веры в то, что я самоценно по себе. И что нет места.

С чего можно начать выбраться из этого состояния? Мы сейчас ведём как раз группу по самооценности и самооценке. Присоединяйтесь.

В январе мы будем ещё одну группу набирать. И это как раз предмет нашей работы. Осталось без работы в период пандемии.

Пришло сознание, что себя не нашла в этом мире. Казалось бы, ищи. Но пока только чувство растерянности.

Поиск своего места в этом мире. С чего начать? Два вопроса, может быть, я перескочил.

Чувство растерянности. Действительно, ведь очень часто мы идентифицируем себя с местом работы. На самом деле, конечно, нет.

Работа по найму не является, конечно, своим местом. Другое дело – бизнес. Когда мы своё открываем, дело, своё предприятие, свой бизнес, он мой.

И это в каком-то смысле это моё место. И это место я воспринимаю как пространство своей власти и своего действия, своего творчества. Я могу здесь делать то, что я хочу.

Это очень важное, приятное чувство. И оно даёт богатое развитие для личности человека. Вообще бизнес – это развитие личности.

Очень такое интенсивное. Даёт прекрасные результаты. Если человек всё-таки к этому, к развитию, к своему, относится серьёзно.

Если человек ищет только денег, то нет. Наоборот. Так что поиск работы – это, во-первых, ответ на вопрос, о чём я хочу.

Во-вторых, это ответ на вопрос, каковы мои способности, каковы мои ограничения. И в-третьих, это представление о том, а что такое работа для меня. Если это только заработок, это одно.

Если это творчество, это другое. Если это развитие своей профессии, это третье. В общем, тут нужно сначала подготовиться.

То есть поиск – это вообще интересная вещь. Кстати говоря, такой вот проективной методикой по поиску своего места в жизни является составление резюме. Резюме, которое мы подаём в разные конторы, когда мы ищем работу.

Это очень интересная такая психотерапевтическая методика. Возраст – является ли помехой поиска себя в этом мире? Нет, конечно.

Я не нашла себя до сих пор, так ничего уже пытаться. Нет-нет, ищите, найдёте обязательно. Я так подозреваю, что найти своё место можно, опираясь на свои чувства.

Да, и не только. Тут голова тоже нужна. Так естественно, что чувства противоречивые так и бывают.

Чувства действительно, они всегда противоречивы, потому что мы люди, мы испытываем разные, проживаем разные состояния. Мне кажется, сначала нужно найти себя, а потом место самоотыщется. Нет, само ничего не отыскивается.

И найти себя, а найти себя где? Понимаете, какая штука? Меня нигде нет.

Искать себя вовне? Ау, кричать, ходить по тёмным улицам города или по закоулкам, или по полям, по лесам, по дорогам. Вот есть такие люди, которые только и делают, что путешествуют и ищут себя.

Нет, они там себя нигде не найдут, их там нет. Потому что если я есть, то я есть только тут. Поэтому найти себя здесь, но это не просто найти, а построить себя, создать себя.

И если уже себя создал и я буду искать себя, то вот оно моё место. Я уже знаю его, поэтому не буду искать, а буду строить. Место создается, место занимается.

Вот если сказать таким вульгарным языком, своё место в жизни надо занять. Оно твоё, больше ничего. Возникает вопрос, что значит найти себя?

Найти себя – это значит построить себя. Потому что инфантильная личность состоит только из некоторых, так сказать, ощущений себя, но не знания себя. Так вот становление личности – это целый этап, это целая лестница этапов.

И есть инфантильная стадия развития, становление личности, и есть зрелая стадия. Инфантильная стадия состоит из открытия себя, потом обнаружения своей инаковости, переживания своего одиночества, а затем ощущения того, что я то ли есть, то ли нет. И вопрос, быть или не быть, гамлетовский вопрос – это завершение инфантильной стадии.

Гамлет, кстати, так её и не перешёл. Он так и остался на этой инфантильной стадии. Но я так думаю, что и сам Шекспир застрял на этой инфантильной стадии по многим сюжетам.

Хотя нет, вот у него есть некоторые зрелые пьесы более поздние, в которых действительно есть другой Шекспир. Да, это правда. Ну ладно, об этом лучше всего к Быкову.

Так вот, найти себя – это означает создать из тех инфантильных архетипов личности, которые уже есть, создать себя взрослого. А зачем себя искать, если я уже есть? Если я есть, то можно жить этим.

А если нет этого ощущения, что есть, значит, придётся строить. По каким признакам можно понять, что произошла эта долгожданная встреча и что тут есть методологическая проблема? Я начинаю вам коротко излагать теорию личности.

Но ведь есть курс, который вы можете прослушать. Тот, который был записан год назад нами с Алексеем Бушуевым, он есть у нас на сайте, на Тильде. Вы можете его купить в таймпэде и прослушать.

Там много, это большой курс. Я не могу его рассказать вам. Можно ли полагать, что стараясь идти к Богу, беря ответственность, преодолевая поущения, испытывая благодарность, это и есть своё место в мире?

Ну, это путь. Это не место, это путь. Идти к Богу, преодолевая трудности, испытывая благодарность, да.

Но если вы, смотрите, беря ответственность, а кто берёт ответственность? Для того, чтобы брать ответственность, надо быть собой. Чтобы быть собой, чтобы преодолевать, чтобы благодарить, надо иметь себя и своё место.

Идти к Богу. По-другому нельзя. То есть место в мире мы определяем сами, исходя из того, что как делаем, так и чувствуем.

Нет, место нам дано. Господь уже обо всём позаботился. Он нам дал.

Наша задача взять. Вот в чём инфантильность Гамлета? Быть или не быть?

Он вопрос задаёт. Он есть. Гамлет есть, а он стоит в рот.

Быть или не быть? Гамлет есть. Я быть.

И вот после того, как он говорит быть, он занимает своё место и говорит, стоп, ребята, это моё место. Даже перед лицом Бога это моё место. Это я здесь стою и никто другой.

И вот с этого начинается уже зрелая часть становления личности человека. Да, определяем мы сами, исходя из того, что мы есть. Если сразу несколько своих мест в мире, это нормально?

Да, может быть, это дом, в котором я родился, жил до школы с родителями, может быть, это мой дом, здесь жили мои родители, мои бабушки, дедушки, мой родной город, мой родной дом, моя страна. Да, может быть, конечно. И если каждое из этих мест дорого, любо, тепло и приятно, и творчески, и ресурсно, то это даже хорошо.

Ощущение душевного мира я не знаю. Это ни о чём ещё не говорит. Как отличить состояние комфорта и удобства в жизни от нахождения своего места себя?

В своём месте я могу и взрослый быть, а состояние комфорта и удобства это детское чувство, это я в утробе материнской. А в утробе материнской нет моего места, там только есть мамино место. Почему многие женщины, матери, сохраняют отношение к ребёнку и ощущение ребёнка как части себя?

Да, это инфантильное ощущение, но, тем не менее, они ощущают ребёнка как часть себя. И если ребёнок часть матери, своего места у него в утробе нет. У него есть комфорт и удобство.

Тепло, безмятежно, спокойно, сытно, но своего места нет. Очень сложно ответить на вопрос «А где твоя родина?» Видимо, из-за этих переездов. Да, переезд – это проблема, но родина – это родина.

Понимаете, что в слове «родина»? Когда его пишут с большой буквы, имеют в виду немножко не то. Родина – это некий женский архетип, который олицетворяет в себе некоторое лицо, некоторую субъектность.

И этот субъект «родина» – это тот, кто нам предстоит. Для моего поколения «родина» – это всё плакат. «Родина мать зовёт».

Это очень тревожный, это очень страшный плакат, потому что это война. Это война, это страшно, это угроза смерти, это угроза страданий, угроза гибели, угроза инвалидности. Ну, в общем, ужас, ужас, ужас.

И вот этот вот «родина во время войны» – это не то, что хочется в себе ощутить и развивать. Но в слове «родина», если с маленькой буквы мы поставим, есть корень «род». Своё место в жизни должно обладать чувством родства.

Вот та земля, откуда я происхожу, она мне родная. Вот родство. Быть родственным той земле, на которой я стою, на которой живу, которую чувствую.

Моя родина – это то, что мне сродни, это то, что мне родное. Вот это моя родина – чувство родства. Это рациональное.

Это не ценностное, а это рациональное. И рациональное – почти телесное. Почти.

Как вернуть себе это право быть? Оно вам дано Богом. Бог дал вам и место, и право быть.

Так что оно у вас. Оно у вас уже есть, Ольга. И вернуть себе – это означает просто взять.

Осмелиться и взять. Сказать – да, я есть. Как по вашему мнению, есть ли особенности моего места у женщины после замужества?

Меняется ли личное место на место рядом с мужем и создание нового места для детей? Ну, у каждой женщины все равно остается своим местом своего места. Это родительский дом, так ему все равно будет.

И тут другой вопрос – каковы отношения с родительским домом, с родителями, с семьей родительской? Это проблема такая. Это непросто.

Но, конечно, там, где муж, где любимый, там и место, новое место семьи, новое место женщины. И именно она хозяйка. Вот если женщина, жена становится хозяйкой своего места, своей квартиры, своего дома, для нее это очень ресурсное, очень приятное чувство быть на своем месте.

Быть на своем месте – это значит быть хозяйкой своего дома. А не она и мужу, жена и дети, мать. Царь Давид говорит – пришелец, а здесь не на земли.

Да, значит ли это, что у него как бы не было своего места на земле? Если бы не было Давида, Давид прежде всего отличился тем, как вы помните, что он убил Голиафа. А Голиаф виноват был только в том, что он был чужеземец, он был враг, он был из другого племени.

Он убил Голиафа, свою родину, которую он очень любил и которой он был сын. Кстати говоря, Давид никогда родины своей не покидал. Так по границам он ходил, но он всегда был в своем родном царстве, которое очень любил прежде всего Иудеи, но и Израиль целиком.

Поэтому, конечно же, у Давида было ощущение, особенно когда, когда он хотел построить дом Божий. Какая у него была идея? Он говорит, вот, я перенес столицу в Иерусалим, город, который я завоевал, и я построил себе дворец.

У меня есть дом, у меня, царя иудейского, есть дом, а у Бога дома нет, у него лишь ковчег, то есть скиния. А скиния – это временное такое сооружение, это переносная церковь. В моем городе, в Царском, рядом с моим дворцом стоял дворец Бога, то есть дом Бога.

Бог тоже должен иметь место на земле. Ну, Давид в такой парлей рассуждает. Но, смотрите, как интересно, он не просто хочет построить храм Богу, а он покупает для этого дела одну землю.

Ему говорят, ну, как же так? Ты же царь, ты завоевал, ты можешь все, что хочешь, здесь себе присвоить. Он говорит, нет.

Дом Божий должен стоять на том месте, который я выкуплю во веки веков. И он собирает сумму и покупает у Озы вот это вот место, гору, на которой

потом строится первый храм, храм Соломон. Ну, Давиду не разрешено было строить, но он все для него подготовил, для строительства.

Главное, он место купил. Опять мы возвращаемся к тому важнейшему архетипу, про который сегодня говорили, про место, моё место. Вот дом Божий, то есть место, первый храм Бога Отца, храм Всевышнего, это место, которое Давид спроектировал и которое родил, по сути дела, из своего любящего сердца.

На какие-то вопросы я еще не ответил. Давайте посмотрим, что...

[Говорящий 2]

Все, что было в WhatsApp, я сюда перенесла.

[Говорящий 1]

Отлично, отлично. Хорошо. Тогда, пожалуйста, если кто-то хочет, может быть, написать или устно задать, у нас еще есть время, я могу ответить.

[Говорящий 4]

Отец Андрей, можно? Да. Спасибо большое, очень интересно.

Просто просуммировать еще раз про ребенка от 6 лет до подросткового возраста, в этих играх, подвалы, чердаки, секреты, освоение своего места. Вот чему он учится важному, что потом берет во взрослую жизнь? Просуммировать.

Вы говорили про это, но можете еще раз просуммировать, пожалуйста?

[Говорящий 1]

Да, это несколько функций очень важных для человека в будущем. Во-первых, это ощущение своего пространства. Как правило, дети, ребенок выбирает место, куда взрослый не вхож.

То есть вот эти подвалы, чердаки – это место взрослые, которые забыли или не приходят, или просто временно, очень долго никто не появляется. Это место запустения, где можно развивать свои фантазии, где масса всяких ненужных вещей, которым ребенок придает свое значение. Даже в самом месте он придает символическое, таинственное, сказочное значение.

В этих местах дети сочиняют разные истории, страшилки, страшные рассказы. И они таким образом расширяют свое пространство. «Таинственный мир детства» – это название книги Марины Осориной, Ленинградского психолога, Санкт-Петербургского психолога.

Так и называется книжка ее дошкольного возраста. И эти места, таинственные детей, где они устраивают свои ритуалы, свои вещи, свои секреты. Это их мир, в котором они растут и развиваются.

Они моделируют вселенную. Они моделируют в них взрослый свой мир, осваивая эти функции, осваивая себя в этих новых, таинственных и свободных пространствах. Без взрослых.

Это миры, где взрослые не входят и даже не знают. Подчас это оборачивается детям трагедиями, но взрослые этого не контролируют. Для детей очень важно – это самостоятельность, это свобода.

[Говорящий 4]

То есть во взрослой жизни, я хочу уловить четко, почему это для взрослой жизни жизненно важно. То есть во взрослой жизни... Это во что превращается во взрослой жизни потом?

[Говорящий 1]

Ну, например, устройство своего дома, устройство своего кабинета, устройство своего бизнеса, устройство своей научной темы, устройство своего поля, своего леса, своей должности, своего цеха, где он себя реализует, может быть своей школы, своего класса. То есть это реализация в творческом пространстве, создание своего пространства, своего расширения.

[Говорящий 4]

Окей. Спасибо.

[Говорящий 1]

Пожалуйста, может еще кто-то? Нет, да? Ну, наверное, если нет, тогда мы завершаем.

Рано, Вы что-то хотели сказать?

[Говорящий 5]

Ну, добрый вечер. Не уверена, что по теме, но вот по поводу вот этого пространства, оно сейчас, ну, в большей степени виртуальное. Это нормально, если дети фантазируют в компьютерном, да, пространстве?

[Говорящий 1]

По-разному бывает. Все-таки ребенку, любому ребенку, нужно свое место в этом мире. Не виртуальном, а в своем реальном мире.

И если у него дома, с семьей, с родителями, такое место есть, то все остальное прикладывается к этому. Если у ребенка только виртуальное, то, конечно, это какая-то уже другая личность.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, Вы сказали про бизнес как развитие, что это развитие личности, ну, по крайней мере, да. А альтернативы бизнесу, то есть, например, какие еще могут быть? Но мне приходит на ум, допустим, когда определенная миссия может быть у человека.

[Говорящий 1]

Это может быть миссия, это может быть служение, например, учитель, ученый, писатель, художник. Ну, там где есть развитие. И человек должен был внимателен и рефлексивен к тому, что он делает.

Потому что можно быть и там, и там, и там, и не развиваться, а просто, ну, реализовывать некоторую свою профессиональную компетентность и больше ничего.

[Говорящий 2]

А вот наемная работа, Вы считаете? Просто у меня, когда была заявлена тема семинара «Место в жизни», у меня почему-то первая ассоциация это профессиональная карьера какая-то.

[Говорящий 1]

Может быть профессиональная карьера, которая относится к этому как к делу своей жизни. Тогда да, тогда может.

[Говорящий 2]

Но это тоже некий элемент миссии в этом есть.

[Говорящий 1]

Если человек так относится. Понимаете, ведь наемная работа это чужая идея. Служение на дядю.

Ну, а если в этой наемной большой работе есть часть, которую я творчески реализую и делаю так, как мне хочется и я считаю нужным, то тогда это становится более реалистично. Какие условия наемного труда? Потому что если это наемный труд просто у конвейера, там нечего делать.

Там нету пространства. Вот поэтому многие автомобильные концерты экспериментировали с этим. И первый, кто отошел от модели вот этого конвейера, это были корпорация Saab.

Они делают автомобиль грузовики. И они отошли от этой модели и они там создали бригады, которые начинали от нуля до конца, до сдачи автомобиля. И это оказалось намного эффективнее качество автомобиля, этой сборки, вот этой бригадной сборки были намного выше, чем конвейерная.

Оказалось, что у людей появился интерес, у людей появилась цель, задача. Вот они делали, что было важное, и корпорация выиграла. Ну, как всегда, у нас есть группа, где вы можете свои вопросы написать, и в каком-то смысле дискуссия там может продолжиться.

Хотя, конечно, группа у нас не в том смысле, не такая WhatsApp, где мы можем переписываться, нет. Она для информации прежде всего, но вопросы я могу взять и потом ответить.

[Говорящий 3]

Добрый вечер, добрый вечер, участники. Ну, собственно, я хотел подтвердить тот момент, что, ну, например, я родился на Западной Украине и уже почти 7 лет я туда попасть не могу там по понятным причинам. И я вам честно признаю, что это очень болезненное состояние.

Я не смог попасть на похороны матери из-за войны, и я отца уже почти 7 лет не видел. Ну, мы, конечно, общаемся и так далее. Но это не может заменить живого общения, теплых объятий и так далее.

И вот жизнь моя в Москве последние 18 лет, жизнь по съемным квартирам, сначала это было общежитие, потом съемные квартиры, я вот чувствую себя вот в таком вот перекатекоре. Но вся эта ситуация, она, конечно, отправила меня внутрь самого себя постепенно, постепенно, постепенно. И вот то, что я написал в своем, ну, не вопросе, а реплике скорее, что если я у себя есть, то у меня места не хватает.

Это самое главное для меня, потому что по-другому я пока эту ситуацию решить не могу.

[Говорящий 1]

Она не внешне решается, Александр. Эта ситуация внутри для вас взрослого, это уже внутренняя ситуация. У ребенка она внешняя, но по-человечески мне, конечно, хочется иметь свой дом.

[Говорящий 3]

Да. Вот от этого никуда не денусь.

[Говорящий 1]

Да, я тоже, потому что наша семья переезжала много раз и по сути дела такого дома семьи, где бы мы все жили и жили, комната в коммунальной квартире, это мое детство, где мы жили вчетвером и еще жило 8 человек в квартире. Вот это мое детство. Ну что же, это мой дом?

Нет. А чувства теплые остались. Ну и рационально, но тем не менее, вот так мы устроены.

Так мы устроены.

[Говорящий 2]

В продолжение ваших слов хочется сказать, что когда я обрела дом с куском земли, поняла, что это совершенно-совершенно иное мироощущение.

[Говорящий 1]

Да.

[Говорящий 2]

А когда я представляю себе, что если бы это было родовое поместье, то мне кажется, это такой ресурсище.

[Говорящий 1]

Совершенно верно. И вот сейчас что мы наблюдаем? Дети, выросшие у новых русских на своей земле, в своем доме, это другое поколение детей.

Они уже взрослые. Это уже 25 лет. Вот я наблюдаю в некоторых богатых семьях дети, которые выросли не в квартире, а на своей земле в своем доме.

Они по-другому к жизни относятся, понимаете? Другие люди. Это уже не советские люди.

[Говорящий 2]

Я хочу, Лен. Я могу о тебе сомневаться? Я тебе откликнусь, вот только хотела про это сказать, что вот квартира, это другое ощущение, чем дом.

[Говорящий 1]

Послушайте, мы эту тему будем обсуждать, сейчас я вам скажу когда.

[Говорящий 2]

В январе. Я сегодня видела и очень заинтересовалась.

[Говорящий 1]

Мы запланировали 14 февраля. На 4 февраля мы запланировали вот что. Дом, в котором я живу.

Антропология, психология современного жилища. Это очень для меня важная тема, поскольку я вырос в коммуналке, а мечтал всегда с отцом про дом. И теперь у меня есть дом, но отца нет.

[Говорящий 2]

Я просто хочу сказать, что и поэтому я была у бабушки очень часто в доме. Это для меня вот такая родина и я именно ассоциируюсь с бабушкой, с печкой. Вот то, что вы говорили про детей на чердак, то есть я только что, это какие-то сараи, где-то сток сена.

Это вообще просто потрясающее чувство. Вот, и еще хотела тоже к вашим словам присоединиться. Я прожила 20 лет в Норильске и вот там вот это ощущение временности проживания, даже тем, кто родился там, оно очень сильно присутствует.

Я не знаю, как сейчас. И рядом есть Дудинка, который 300 с лишним лет. Это буквально 60 километров.

И мы когда делали соцопроксы, мы просто поразились, какие две большие разницы среди пенсионеров. Потому что в Дудинке там уже поколения похоронены. То есть там люди рождались 300 лет тому назад.

Тут вот он у них Енисей, тут 200 километров Снежногорска, это уже не так холодно. И это вот я это ощущение, ну вот я это ощутила очень странно. И даже вот поведение психологии, хлеб даже другой.

Конечно.

[Говорящий 1]

У меня такое было ощущение, когда из своего Анадыря я прилетел в Якутск. Ну пролетом просто. Там было два часа.

Я погулял по городу и я вдруг, боже мой, подумал, так это Россия же. Тут вот дома стоят, полисадники, деревья растут, храм стоит, старый храм, он остался в Якутске. Это Россия.

А Анадырь это что-то не что. Хотя в Анадыре тоже когда-то был храм, но ничего не осталось.

[Говорящий 2]

Да, вот какие-то такие. Ну и конечно у меня все равно. Я прям сейчас и думаю, а вот когда мы поднимались в пещеру, где был Илья.

[Говорящий 1]

Наташа, это уже не всем понятно. Мы не будем об этом говорить. Это библиодрама.

Наше так сказать это там библиодрама. Кстати, приходите на библиодраму, все кто слышит. Ну что же, давайте на сегодня завершим и в следующий раз будем говорить про космос.

Вообще улетим далеко своими мыслями. Бескрайние просторы. Встретимся через неделю.

Спасибо всем. Спасибо большое, отец Андрей.